

Д. Н. БРЕЩИНСКИЙ

Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу

1

К числу памятников старообрядческой литературы начала XVIII в., обойденных вниманием литературоведов, относится Житие инок Корнилия Выговского. Житие это существует только в рукописных списках и до сих пор не опубликовано.¹ Оно известно в двух редакциях — простой и риторически украшенной.² Вторая основана на первой и является ее переработкой в духе выговской литературной школы.³ Полное заглавие 1-й редакции в списках — «Повесть душеполезна о житии и жизни преподобнаго отца нашего Корнилия, иже на Выге реце» (л. 48).⁴ 2-я редакция

¹ В основу данной статьи положено подготовленное мной критическое издание текста 1-й редакции памятника — неопубликованная докторская диссертация «Житие инок Корнилия Выговского, написанное Пахомием. Исследование и тексты» (Вандерbiltский университет, США, 1975). Материалы для этой работы я собрал в Советском Союзе, куда ездил по научному обмену между США и СССР. Неоценимую услугу оказал мне при разыскании рукописей руководитель Древлехранилища ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР ныне покойный В. И. Малышев.

² Мне известен 31 список простой (первоначальной) редакции Жития Корнилия (для удобства располагаю списки в алфавитном порядке, по архивам и собраниям; отрывки, неполные списки, переработки и сокращенные варианты отмечены звездочкой). БАН: 21.11.5; 33.20.1*; собр. В. Г. Дружинина, № 211 (старый № 254), 976*, 991; ГБЛ: собр. Е. В. Барсова (ф. 17), № 280; ГИМ: собр. И. А. Вахрамеева, № 78; ГПБ: Q.I.153; Q.I.401; Q.I.1075*, Q.I.1076*; Q.I.1081; собр. П. П. Вяземского, Q.III; ИРЛИ: Карельское собр., № 38; Керженское собр., № 30; Красноборское собр., № 123; Мезенское собр., № 8, 31; Пинежское собр., № 173, 381; Причудское собр., № 14; Северодвинское собр., № 106*, 144*; Усть-Цилемское собр., № 42, 52, 66*; Усть-Цилемское новое собр., № 193; колл. Амосова—Богдановой, № 105*; колл. Ф. И. Каликина, № 71; Отдельные поступления, р. IV, оп. 24, № 22*; Ростовский музей церковных древностей, № 158. Позднейшая, украшенная редакция Жития представлена меньшим числом списков; я насчитываю их 19. БАН: собр. В. Г. Дружинина, № 13, 18 (согласно приемной описи БАН, эти два списка в собрании Дружинина больше не числятся), 31 (старый № 51), 160 (старый № 196), 182 (старый № 221), 211 (старый № 254), 1108; собр. Ф. А. Каликина, № 87; ГИМ: собр. А. И. Хлудова, № 270; ГПБ: Q.I.121; Q.I.1062; Q.I.1078; собр. СПб., ДА, № 33; собр. А. А. Титова, № 1159; ГПБУ: собр. митрополита Макария, № 32, 75; ИРЛИ: Верхнепечорское собр., № 106*; собр. ИМЛИ, № 41; колл. В. Н. Перетца, № 521*.

³ О выго-лексианском литературном центре см.: В. Г. Дружинин. Словесные науки в Выговской поморской пустыни.— ЖМНП, 1911, июнь, с. 225—248 (далее: Дружинин. Словесные науки).

⁴ Здесь и далее цитаты из первоначальной редакции Жития приводятся по списку ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 52, л. 48—88 об., с указанием в скобках листа рукописи. Из всех имеющихся в моем распоряжении списков 1-й редакции этот список наиболее исправный и, как показывает текстологический анализ, лучше других отражает архетип. Передача текста Жития в цитатах соответствует правилам, принятым в ТОДРЛ. См.: Р. П. Дмитриев. Проект серии монографических исследо-

озаглавлена «Житие инока Корнилия, иже подвизася добрым подвигом и течение сконча в пустыни Выгорецкой, в пределах Олонца града».⁵ Обе редакции, как правило, сопровождаются добавочными статьями: 1-я — повестями о Никоне, которые принадлежат разным авторам,⁶ 2-я — традиционными рассказами о чудесах, творимых Корнилием.

Автор первоначальной редакции указан в послесловии к Житию. Это инок Пахомий, келейник и ученик Корнилия. Год написания Пахомиевой редакции неизвестен. По некоторым косвенным данным можно предположить, что она сложилась где-то в пределах 1723—1727 гг.⁷

Вторая, литературная редакция возникла в 1731 г. Об этом сообщается в самом Житии. Однако автор этой редакции не указан. По свидетельству Григория Яковлева, бывшего выговца, написавшего «обличение» на своих старых друзей, Житие Пахомия переработал Трифон Петров, уставщик Выговского «общежительства» и ученик его первого «киновиарха» (настоятеля) Андрея Денисова.⁸

В риторическом предисловии ко 2-й редакции Жития Корнилия (текст 1-й редакции начинается без всякого вступления) сказано, что она написана по просьбе «ученика онаго блаженнаго мужа» (т. е. Пахомия), вручившего автору житие, «вкратце простою народною беседою писанное».⁹ Стилистически эти два произведения очень отличаются друг от друга, но фактическая канва у них одна и та же: они сходятся в основных данных биографии святого.¹⁰ Как материал первичный и стоящий ближе к истокам литературного процесса, сначала нас будет интересовать редакция Пахомия. Однако следует учесть, что ее влияние на старообрядческую литературу Выга было меньшим, чем влияние ее более поздней литературной переработки, но об этом ниже.

2

Так как встречающиеся в «расколоведческой» литературе XIX в. пересказы Жития страдают неизменной односторонностью, необъектив-

ваний-изданий памятников древнерусской литературы.— ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 495—496.

⁵ БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 31 (старый № 51), л. 439.

⁶ Все эти повести о Никоне известны по изд.: В. Н. Перетц. Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII—XVIII веков.— ИОРЯС, 1900, т. V, кн. 1, с. 123—190 (далее: Перетц).

⁷ В Житии, в частности в пророчествах Корнилия в конце произведения, есть намеки на исторические события этих лет. Так, Корнилий предупреждает Андрея Денисова, что «будут спросы и вопросы от царя» (л. 77 об.), — намек на вопросы миссионера иеромонаха Неофита о вере, предложенные выговцам в 1723 г. Подробнее см.: В. Г. Дружинин. О Житии Корнилия Выгоустынского, написанном Пахомием.— ЖМНП, 1884, сентябрь, с. 10—11 (далее: Дружинин. О Житии Корнилия).

⁸ Григорий Яковлев. Извещение праведное о расколе беспоповщины.— Братское слово, 1888, т. I, № 7, с. 488. Позднейшая редакция Жития долго приписывалась брату Андрея Денисова Семену. На «прямое свидетельство, что это работа Трифона Петрова», впервые указал П. С. Смирнов в своей кн.: Внутренние вопросы в расколе в XVIII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898, с. ХСII, примеч. 160 (далее: Смирнов).

⁹ БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 31 (старый № 51), л. 440.

¹⁰ Корнилий канонизован старообрядцами, день памяти его празднуется 30 марта (см.: Дружинин. О Житии Корнилия, с. 5, примеч. 1). О «мнимых мощех» Корнилия и Виталия, почитаемых старообрядцами, пишет Григорий Яковлев в «Извещении праведном о расколе беспоповщины» (Братское слово, 1888, т. I, № 6, с. 413). Между прочим, в «Виноград российский» Семена Денисова Корнилий не попал, так как это мученик, а Корнилий не кончил жизнь мученической смертью.

ностью изложения,¹¹ приведем вкратце его содержание по 1-й, Пахомиевской редакции. В ней без предисловий сообщается, что Корнилий (в миру Конон) родился на далеком Севере, на реке Тотьме, в семье земледельца. С детства он зачитывался житиями святых и, осиротев, почувствовал тягу к монашеству. Несмотря на уговоры своего двоюродного брата, который советовал ему «жену пояти», он отправился в Ветлужские леса к знаменитому аскету Капитону, надеясь, что тот примет его в свою общину. Но Капитон не принял молодого человека, ссылаясь на то, что он «юн еси», и направил его в монастырь Корнилия Комельского. Понаблюдав жизнь капитонцев, юный подвижник пошел в Корилиев монастырь и был там принят. В этом монастыре он провел 24 года, приняв постриг и став пономарем.

По смерти своего келейного отца Корнилий пошел по монастырям. Обойдя много городов и обителей, он оказался в Москве в бытность там патриарха Феофана Иерусалимского и «сподобился» стать его келейником. Корнилий видел, как Феофан благословлял двумя перстами, и слышал, как на соборе он предсказал будущее гонение на церковь. Затем Корнилий работал пекарем («хлебы печаше») — сперва у патриарха Московского Иоасафа, а потом в Новгороде, у митрополита Аффония, которого он сам и хоронил, так как Аффоний не хотел, чтобы его по кончине отпевал Никон. Корнилию неоднократно предлагали священство, но он всякий раз отказывался, не желая нести тяготы сана.

Приехав в другой раз в Новгород, Корнилий застал там митрополитом своего давнишнего знакомого, Никона. Когда соловецкий дьякон Пимен, бывший в то время в Новгороде, указал ему на то, что Никон благословляет «непотребно», тремя перстами, он перестал ходить к нему под благословение, и даже попытка Никона подкупить Корнилия, сделать его настоятелем монастыря, не возымела действия. Вернувшись в Москву, Корнилий получил должность тюремного надзирателя при патриархе Иосифе, следил за провинившимися «попами и дьяками», но эта работа была ему не по душе, и он вскоре оставил ее.

После Иосифа патриархом становится Никон. Вызвав из ссылки Арсения Грека и устроив его книгосправщиком в Печатный дом, он вводит свои новшества. Начинается предсказанная Феофаном Иерусалимским церковная «смута». Ее предвещает пророческий сон монаха Чудова монастыря Симеона (о змее, обвинившемся вокруг царской палаты) и вещей сон самого Корнилия, которому приснились два человека, «благообразный» и «темнообразный», спорящие в церкви об обрядах: побеждает «темнообразный», сторонник никоновских реформ. Ревнителю старины вспоминают (в связи с видением Симеона) предречение патриарха Феофана, а позже созывают совет, на котором «дерзновенно» обличают Никона (за что многие из них впоследствии поплатились жизнью).

Чтобы избежать преследований, Корнилий вместе с Досифеем, игуменом Никольского Беседного монастыря, уходит на Дон. Через три года он снова возвращается в Москву и позже находит убежище в Ниловой пустыни. Следует рассказ о «явлении» Корнилию преподобного Нила,

¹¹ См., например: [А. Н. Муравьев]. Раскол, обличаемый своею историею. СПб., 1854, с. 80—81. Часто пересказы Жития, датируемые прошлым веком, сообщают сведения о Корнилие выборочно, освещая, таким образом, разные этапы его биографии неравномерно (см., например: Дружинин. О Житии Корнилия, с. 3—5). Самый подробный пересказ Жития 1-й редакции, представляющий его беллетризованное переложение на современный язык, сделан писателем С. В. Максимовым в его «Рассказах из истории старообрядства по раскольничьим рукописям» (СПб., 1861, с. 5—38). Подробнейший пересказ 2-й редакции с цитатами из Жития дан в кн.: А. Бровкович]. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861, ч. I, с. 169—180 (далее: Бровкович).

исцелившего его от тяжелого недуга, и вставная «новелла» о Гурии Хрипунове, в которой (по контрасту с предшествующим эпизодом) описывается страшная смерть Гурия, человека, отступившего от старого церковного обряда.

Согласно Житию, Корнилий укрывался в Ниловой пустыни 12 лет, служа по-прежнему пономарем. Но новый обряд проникает и туда. После бурной стычки с новым попом, присланным в пустынь с «нарочными», Корнилий вынужден был бежать. Начинаются его скитания по Северу, в олонецких пределах.

Некоторое время он живет на Кяткозере с Епифанием, будущим сподвижником Аввакума, деля с ним трудности пустынной жизни. Когда через два года «не с большим» Епифаний идет в Москву обличать царя, Корнилий остается: бог «извещает» его, что многие через него должны «спастись». Немного спустя к нему приходит посланник из Пустозерска, бывший иподьяк Никона, инок Филипп, с вестью о последней участи пустозерских узников. С Филиппом повторяется то же, что было и с Епифанием: он живет некоторое время с Корнилием, затем отправляется «на муки» один, и до Корнилия доходят слухи также и о его мученической кончине.

Преследования властей заставляют Корнилия постоянно менять местожительство: он переходит с озера на озеро, пользуясь услугами «христоролюбцев». «Верные» люди оберегают его в пути, так что в Каргополе, где игумен местного монастыря оставался верен «древлему благочестию», Корнилий мог даже безбоязненно спорить о вере с двумя московскими миссионерами (в Житии говорится, что один из них впоследствии кончил плохо: его затоптал собственный конь). Со многими другими старообрядцами, учениками Корнилия, власти расправлялись жестоко; в Житии передаются натуралистические подробности повсеместных казней. «Праведная жизнь» инока привлекает к нему учеников: мало-помалу вокруг него начинают собираться последователи, среди которых оказывается его будущий биограф Пахомий. Остаток своих дней Корнилий проводит на реке Выг.

В ряде ретроспективных рассказов, переданных со слов Корнилия Пахомием, повествуется о мальчишке Виталии, бывшем «болярине», который последние годы своей жизни провел с Корнилием на Выгу; о старообрядческом соборе в Москве, на котором решался вопрос о переименовании «никониан»; также о любопытных приключениях Корнилия во время его странствий (как на него однажды ночью напали разбойники и как он в непогоду заночевал у одной «уединенной вдовы»).

Слава Корнилия на Выгу возрастает, к нему стекается народ, местные крестьяне. Пространно рассказывается о том, чему Корнилий их учил, и говорится о строгих правилах его личной, повседневной жизни (напоминающей жизнь капитонцев, которой он в молодости не вкусил). Кончается Житие рассказом об основании Выговской старообрядческой пустыни. Корнилий предсказывает «общежителству» тяжелые времена и великое будущее и перед смертью, последовавшей в 1695 г., благословляет выговских руководителей (Даниила Викулина, Андрея Денисова и старца Сергия) на дальнейший подвиг.

Житие замыкается кратким послесловием, в котором сообщается, что автор «сего повествования» — инок Пахомий. Сообщается и о дальнейшей судьбе Пахомиева оригинала: инок передал рукопись своему другу, который хранил ее у себя много лет, переписав «на пользу слышащим» только в 1767 г. (В некоторых списках памятника¹² отсутствует

¹² Как показывает изучение списков, текст 1-й редакции представлен двумя вариантами — обстоятельство, которое раньше в исследовательской литературе не от-

последняя часть этой приписки, явно добавленная переписчиком, неизвестным другом Пахомия).

3

Рассматриваемое нами Житие интересно по многим причинам.

Во-первых, оно дает яркую картину жизни и деятельности одного из «столпов» старообрядчества, долгая жизнь которого прошла в бесконечных скитаниях и бегах «благочестия ради». Поскольку Житие написано со слов самого Корнилия его учеником, оно имеет значение первоисточника.

Во-вторых, очень велико историческое значение Жития. Как современник многих «русских патриархов и десяти царей от Ивана Грозного до Петра Великого включительно»,¹³ Корнилий был свидетелем, а отчасти и участником крупнейших событий «неспокойного» XVII в., не последнее из которых по значимости — основание знаменитой Выговской поморской пустыни. Житие изобилует именами людей, оставивших свой след в истории русской церкви и государства.

В-третьих, как указывает В. Г. Дружинин, посвятивший Житию небольшую статью, оно «весьма интересно и по тем общеисторическим данным, которые попутно приводит Пахомий».¹⁴ Сюда Дружинин относит сведения о способе заселения северных пустынь раскольниками, о их быте и т. п.

Кроме того, в Житии отразилось отношение старообрядцев-поморцев, в среде которых оно и было составлено, к целому ряду обрядовых и догматических проблем, волновавших старообрядческий мир в первое время его существования; Житие помогает уточнить их идеологию.

Все эти вопросы так или иначе уже затрагивались в научной литературе: как источник сведений о расколе в разных его аспектах Житие Корнилия неоднократно привлекалось учеными дореволюционного времени. Однако как литературный памятник, имеющий свои художественные особенности и свою рукописную традицию, оно остается почти совершенно не изученным. Не выяснены взаимоотношения сохранившихся списков Жития (до сих пор не было даже неполного их каталога), не опубликован его текст, не исследованы еще его язык, стиль и композиция. Между тем изучение этого памятника с литературоведческой точки зрения представляет несомненный интерес.

Сразу следует оговориться, что в поэтику древнерусской литературы Житие Корнилия не привносит ничего принципиально нового. Хотя каноническое вступление в нем и отсутствует, оно остается в рамках столь хорошо усвоенной на Руси житийной традиции, на которую лишь

мечалось. Один вид текста («основной») отличается относительной простотой языка и стиля. Списки этого вида делятся на ряд групп, каждая из которых обладает характерными, только ей присущими чтениями. К источнику протографа одной из них восходит архетип второго («особого») вида, который заметно литературно обработан (но намного меньше, чем редакция Трифона Петрова!) и местами распространен. Приметное отличие «особого» вида от «основного» составляет развернутое описание собора старообрядцев о переименовании: в «особом» виде крупные добавления, цель которых — теоретически обосновать постановление собора (делаются ссылки на конкретные религиозные догматы и церковные правила). Списки этого вида монолитны и мало различаются между собой. Кроме «основного» и «особого» вида 1-й редакции существуют еще сокращенные разновидности текста, возникшие независимо друг от друга и представляющие собой его позднюю модификацию, однако для выяснения литературной истории Жития они не имеют особого значения. Подробнее вопросы текстологии рассматриваются мной в диссертации (см. наст. изд., с. 127, примеч. 1).

¹³ С. А. Зеньковский. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. München, 1970, с. 455.

¹⁴ Дружинин. О Житии Корнилия, с. 12.

накладывается старообрядческая проблематика. Однако историк литературы не может пройти мимо даже и незначительного «литературного факта», не определив его места в общем литературном процессе; ¹⁵ тем более нельзя оставить без внимания интересующее нас Житие, произведение хотя и не новаторское, но весьма своеобразное. Уже одно то, что оно пользовалось у старообрядцев большой любовью, говорит о многом. На старообрядческом Севере это Житие имеет давнюю письменную традицию, известно в большом числе списков и переписывалось там еще в начале этого столетия. ¹⁶

Житие содержит ряд ярких сцен, по своей смелости и бытовому колориту близких некоторым рассказам Киево-Печерского патерика: пономарь Корнилий, отстаивая старый чин богослужения в Ниловой пустыни, ударяет по голове кадилом «со углем разженным» «никонианского» попа, после чего Корнилия избивают пришедшие со священником служилые люди, «яко и крове тещи в церкви» (л. 62); запоздалый путник Корнилий останавливается на ночлег у одной «уединенной вдовы», которая понуждает его «на дело блудное» (л. 71 об.—72), и он с трудом сдерживает себя. Не нарушая житийного этикета, эти напряженные картины живых человеческих страстей, эти бытовые детали придают всему произведению большую колоритность — то, с чем мы встречаемся, уже в развитом виде, у Аввакума.

Несколько необычной для агиографии является тема постоянных странствий святого, его скитальческий образ жизни. На протяжении всего повествования Корнилий не столько борется со злом, сколько, пожалуй, пытается от него уйти. «Традиционный» житийный скитник, тоже «спасающий свою душу» вдали от людей, как правило, добравшись до цели, уже не оставляет «схиму», а замаливает свои грехи или же совершает какой-нибудь монашеский подвиг на месте. Если такое типичное монашеское житие по степени «подвижности» святого можно назвать статичным, то Житие Корнилия, напротив, очень динамично. ¹⁷ Легкого на подъем героя читатель все время застает где-нибудь в пути на новое поселение, так что едва успевает уследить за его похождениями. Слова «и пойдох в путь свой» (л. 51), встречающиеся в начале Жития, служат как бы его лейтмотивом. Перечень географических названий во второй половине повествования возрастает словно в геометрической прогрессии, отчего Житие местами читается как путеводитель по северным окраинам тогдашней России.

Непоседливость Корнилия только отчасти можно объяснить внешними условиями: он и до гонений «на церковь Христову» много ходил по монастырям. Следует учесть и то, что, согласно старообрядческому преданию, святой скончался в глубокой старости, 125 лет от роду. ¹⁸ Естественно,

¹⁵ См. замечания по этому поводу Ю. Тынянова в предисловии к сборнику работ его учеников «Поэзия XIX века» (Л., 1929, с. VII).

¹⁶ В общей сложности мне удалось установить существование полсотни списков Жития Корнилия обеих редакций (см. выше, примеч. 2). Укажем для сравнения, что Житие Аввакума (включая автографы, отрывки и переработки) известно в 57 списках (см.: Н. С. Демков а. Житие протопопа Аввакума. Творческая история произведения. Л., 1974, с. 12—66). Само собой разумеется, что наш перечень нельзя считать полным. Дальнейшие поиски непременно приведут к открытию новых рукописей с Житием, тем более что некоторые фонды по сей день активно пополняются, о чем свидетельствуют публикуемые в ТОДРЛ отчеты о ежегодных экспедициях сотрудников Пушкинского Дома на Север.

¹⁷ Этой же терминологией пользуется А. Н. Робинсон, противопоставляя «статичному» Житию Епифания «динамичное» Житие Аввакума. См.: А. Н. Р о б и н с о н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М., 1963, с. 83 (далее: Робинсон).

¹⁸ Это явно «округленное» число не следует принимать на веру. Смерть праведника, наступающая в глубокой старости, традиционна для монашеских житий и яв-

что более чем вековые события жизни, сведенные в рамки небольшого по объему Жития, легко могут создать калейдоскопическое впечатление. Как бы то ни было, склонность Корнилия к странствованию — факт весьма любопытный, в психологическом плане сопряженный с решительным отказом святого от каких бы то ни было «конфронтаций» с врагом и непротивлением злу. Когда, например, в Новгороде Никон предлагает Корнилию игуменский сан, стараясь этим склонить в свою пользу своего старого знакомого, избегающего теперь ходить под его трехперстное благословение, тот «глаголя всего себе недостойна быти и уклонися от него» (л. 55). Он не спорит с Никоном, не пытается его обличить. Если Аввакум в жизни готов был за свою правду взойти на костер,¹⁹ то Корнилий предпочитает спастись «ото лжи» бегством. Только раз, в Ниловой пустыни, он активно выступает в защиту старого обряда, да и то по наущению «скитских отцов», которые подбивают его на сопротивление новшествам.²⁰

Такая сюжетная схема — ряд эпизодов, иногда довольно красочных, нанизанных на нить странствий главного героя и объединенных только его личностью, — придает Житию беллетристический характер, делает его произведением не только поучительным, но и занимательным. По такому же принципу строятся плутовская повесть и авантюрно-любовный роман.²¹ В какой-то мере, чисто внешне (без всякого, конечно, взаимовлияния или внутреннего родства) сюжетная схема Жития Корнилия (как, впрочем, и некоторых старообрядческих житий вообще)²² обличает его с приключенческими повестями типа «Истории о российском матросе Василии Кориотском», имевшими в то время большое хождение на Руси. И тут и там герой много странствует, и тут и там он встречается на своем пути со множеством разных людей — и все это при полном отсутствии связной фабулы. Неважно, что житийный канон не допускает любовной интриги и что странствующий герой ищет спасения, а не новых приключений; неважно, что часть эпизодов в Житии рассказывается ретроспективно от лица самого Корнилия уже после того, как он на Выгу «покой

ляется такой же этикетной формулой, как и его рождение от благочестивых родителей или чрезмерная слезливость. (О литературном этикете см.: Д. С. Л и х а ч е в. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 84—108). Впрочем, хотя мы и не знаем дату рождения Корнилия (в Житии она не указана), нет причины сомневаться в долголетию старца, тем более что, согласно его биографии, он видел патриарха Иерусалимского Феофана, приезжавшего в Москву в 1619 г., — как раз тогда, когда патриархом Московским был провозглашен Филарет.

¹⁹ Житие Корнилия является одним из немногих источников, подтверждающих, что Аввакум был именно сожжен. См.: В. И. М а л ы ш е в. Две заметки о протопопе Аввакуме. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.—Л., 1959, с. 350.

²⁰ Я не принимаю в расчет прения Корнилия с православными миссионерами Филофеем и Сергием, присланными в Каргополь из Москвы, так как Каргополь был в то время одним из центров раскола и посланцы ничего не могли сделать Корнилию, «по-неже обороняли его посадские» (л. 66 об.).

²¹ Интересный разбор структуры приключенческой повести дан в кн.: Е. М и i г. The Structure of the Novel. New York, [1969], p. 7—40; а также в кн.: Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 3—30.

²² Схема странничества и приключенческий элемент вообще присущи некоторым старообрядческим житиям. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить полный приключений побег Ивана Неронова (в монастыре Григория) из Кандагажского монастыря, куда его сослал Никон, а также вынужденное странствие Аввакума в Сибирь со всеми его перипетиями; Неронов и Аввакум — оба переносят жестокие побои за свою веру: так быт и историческая действительность исподволь проникают в житийную литературу. См.: Записка о жизни протопопа Ивана Неронова с 1653 по 1659 год. — В кн.: Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. I. Под ред. Н. И. Субботина. М., 1875, с. 137—139; Житие Григория Неронова, составленное после его смерти. — Там же, с. 283, 284; Жизнеописание Аввакума. — В кн.: Робинсон, с. 147—160.

жизни сея соверши» (л. 68 об.), а люди, о которых повествуется, — не вымышленные персонажи, а реальные исторические лица; от этого структура произведения не меняется.

Нет ничего общего между языком Жития и складом речи повестей петровского времени. Новые культурные веяния не ощущались еще в старообрядческом Поморье, и язык Жития совершенно свободен от варваризмов и кáлек, которыми пестрит та же Повесть о Василии Кориотском. Это язык, тяготеющий по своему лексическому составу к книжному языку допетровского времени, но сохраняющий при этом народный, просторечный склад, который местами напоминает «вяканье» Аввакума, редко, впрочем, достигая образности и пословичности последнего. Совершенно по-аввакумовски звучат, например, ласковые слова Никона, обращенные к сторонящемуся его Корнилию: «Корнильюшко, чесо ради ко благословению не ходиши? И хоцещи ли — сотворю тя игуменом в Древникой монастырь?» (л. 55).²³ Язык рукописей, сохранивших текст памятника, свидетельствует о разрушении в поморской письменности XVIII—XIX вв. старославянских форм, которые в ряде случаев путаются и искажаются писцами; в языке Жития ощутимо также и влияние форм и словообразований севернорусских наречий.²⁴

4

В связи с вопросом о стиле Жития Корнилия любопытно проследить становление житийного жанра на Выгу.

Как отмечалось выше, Пахомиевская редакция Жития, написанная в 20-е гг. XVIII в. относительно простым языком и достаточно богатая бытовыми и психологическими деталями, была вскоре (к 1731 г.) переработана выговцем Трифоном Петровым согласно всем правилам византийской риторики. Язык новой редакции выпренный, сугубо книжный; по стилю своему она близка к литературным переделкам древнерусских житий Пахомия Логофета XV в. Очень показательны в этом отношении то, что в заглавии она названа «житием», в то время как редакция Пахомия называется «повестью»: это понятия жанровые. Трифон Петров не только внес в биографию Корнилия поучительно-риторический элемент, но и придал ей каноническую трехчастную форму (вступление, главная часть, заключение), снабдив пространством предисловием, в котором, между прочим, присутствует и традиционный самоуничижительный мотив авторского «худогласия». Все изложение Трифон Петров разбил на главы. Некоторые эпизоды жизни Корнилия им начисто устранены,²⁵ а повести

²³ Этот эпизод несколько смягчает суровый облик Никона, обычный для старообрядческой литературы. Сходное изображение патриарха находим в «Записке о жизни протопопа Ивана Неронова с 1653 по 1659 год». См. комментарий к этому Н. И. Субботина в кн.: Материалы для истории раскола. . . , с. 134—135.

²⁴ Например, замена в местном падеже единственного числа имен существительных женского рода окончания «-е» окончанием «-ы» («на Лексы», «при нужды»); использование слова «нодья» или «нудья» (зимний костер для обогрева и приготовления пищи: «. . . жили в забеге недель 6 у нудьи» — л. 67 об.) и т. п. О языке севернорусских рукописей см.: В. В. Колесов. Различительные особенности языка и письма в севернорусских рукописях из собрания Пушкинского Дома. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, с. 337—371.

²⁵ Так, в состав этой редакции не вошли рассказ о видении Симеона (мотив царской палаты, обвитой змеем), вставная новелла о вероотступнике Гурии Хрицунове, сообщение о прениях Корнилия с православными миссионерами в Каргополе, а также три ретроспективных эпизода, поведанных Корнилием Пахомию (они читаются в первоначальной редакции Жития один за другим, образуя как бы единый комплекс): 1) известие о старообрядческом соборе в Москве, 2) нападение на Корнилия разбойников и 3) его искушение «удиненной вдовой».

о^т Никоне, обычно помещавшиеся в конце первоначальной редакции (но не принадлежащие перу Пахомия), заменены традиционным отделом «чудес». ²⁶ Таков общий путь развития древнерусских памятников житийной литературы — от черновых записок о подвижнике к «правильной», риторически украшенной агиографии. ²⁷ В данном случае это была сознательная архаизация текста, основанная на стремлении выговских старообрядцев во всем держаться старины; а отдел «чудес» заменил собой антиниконовские повести потому, что на данном этапе важнее было прославить «новоявленного» святого, чем продолжать клеймить старого врага.

Каковы же литературные связи Жития Корнилия 2-й редакции с другими сочинениями выговских книжников? В первую очередь обратимся к развернутой биографии Елифания, созданной на основе его известной автобиографии, ²⁸ и к «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова.

Выговская переработка автобиографии Елифания встречается в рукописях почти всегда в комплексе с Житием Кирилла Выговского (Виданского). Эти два пространные, выдержанные в высоком стиле произведения образуют как бы единый «Кирилло-Епифаниевский житийный цикл»: ²⁹ они имеют взаимно перекрещивающиеся сюжетные линии, дополняют друг друга тематически и обнаруживают большое текстуральное сходство. Примечательно, что роль, которая отведена в Житии Елифания иноку Кириллу, очень велика. Совершенно очевидно, что эти произведения писались одним и тем же лицом или же группой лиц — теми, кто хорошо знал жизнь обоих иноков. Еще В. Г. Дружинин высказал предположение, что в создании житий Кирилла и Елифания участвовал выговский историк Иван Филиппов. К такому заключению ученый пришел на основании изучения почерков «авторского» сборника, содержащего жития. ³⁰ Он также обратил внимание на то любопытное обстоятельство, что в старообрядческой рукописной традиции эти жития ассоциируются с Житием Корнилия 2-й редакции; если в «авторском» сборнике его еще нет, то в позднейших сборниках житий Кирилла и Елифания «к ним присоединяется обыкновенно Житие инока Корнилия, написанное Т. Петровым», ³¹ образуя своеобразный литературный триптих.

²⁶ По поводу повестей о Никоне В. Г. Дружинин пишет: «Мы не видим никаких указаний на принадлежность этих статей перу Пахомия. В Житии, помятая о себе, Пахомий всегда приводит и свое имя „аз Пахомий“ в единственном числе. Здесь же — „Поведа нам той же отец Корнилий“ — и „Поведаше отец Корнилий, яко слыша от словесцев старцев“ — и „Еже отец Корнилий слыша и нам поведа, чадом своим“» (Дружинин. О Житии Корнилия, с. 11, примеч. 5). См. также: Смирнов, с. ХСII, примеч. 160.

²⁷ В. О. К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 360 и др.

²⁸ Робинсон, с. 116.

²⁹ Термин Н. В. Поньрко, посвятившей этим до сих пор не изданным житиям статью «Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе». — См.: ТОДРЛ, т. ХХIX. Л., 1974, с. 154—169 (далее: Поньрко).

³⁰ Этот сборник (БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 999; у Дружинина он числился под № 17) писался разными почерками и несколько раз правился. Как установил Дружинин, один из основных пластов правки принадлежит перу Ивана Филиппова, причем более поздние списки житий учитывают эту авторскую правку («... так исправлять текст мог только автор»). См.: В. Г. Д р у ж и н и н. Несколько автографов писателей-старообрядцев. СПб., 1915, с. 40).

³¹ В. Г. Д р у ж и н и н. Несколько автографов писателей-старообрядцев, с. 10, примеч. 1. Примером рукописи, содержащей все три жития, служит сборник БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 1108; сборник состоит только из этих трех житий. Как указывает М. Н. Сперанский, «форма сборника была особенно любимой в старообрядческой письменности» (М. Н. С п е р а н с к и й. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для русской литературы XVIII века. М., 1963, с. 115).

Связь между Житием Корнилия и Кирилло-Епифаниевским житийным циклом в рукописной традиции не случайна. Как отмечает исследовательница цикла Н. В. Понырко, одно из его слагаемых — биография Епифания — почти дословно повторяет ту часть Жития Корнилия, где рассказывается о двухлетнем совместном жительстве этих пустынников на Кяткозере. Почти в тех же выражениях, что и в Житии Корнилия, Епифаний призывает своего друга идти с ним в Москву на обличение царя, но после 40 дней молитвы и поста «Корнилию. . . извести бог, да пребудет в пустынях подвизаяся, яко мнози хотят, рече, чрез онаго в познание истинны приити»,³² и Епифаний отправляется в путь один (заметим мимоходом, что и в данном случае Корнилий проявляет свою всегдашнюю пассивность). Текстуальная близость житийных фрагментов бесспорна — ясно, что один основан на другом. Необратимая зависимость Жития Епифания от Жития Корнилия доказывается очень просто: в Житии Епифания фрагмент распространен за счет упоминания инока Кирилла, а «у поморского автора не было никаких оснований считать упоминание Кирилла недопустимым или нежелательным».³³ В самом деле, в Житии Корнилия Епифаний идет к царю с челобитной прямо от Корнилия, в Житии Епифания он приходит на Кяткозеро с Суны реки, от старца Кирилла (деталь, которой в Житии Корнилия нет), и затем снова возвращается к Кириллу на Суну реку, перед тем как отправиться в Москву. Очевидно, что Трифону Петрову Кирилл еще не был известен «как авторитет, равновеликий Корнилию»,³⁴ как не были ему известны и некоторые другие биографические подробности, имеющиеся в житиях цикла. Из этого следует, заключает Понырко, что зависимость текстов может быть только такова: от Жития Корнилия к Житию Епифания. Это, кстати, позволяет исследователю «дать нижнюю границу для времени возникновения Кирилло-Епифаниевского цикла — 1731 год» (дата составления 2-й редакции Жития Корнилия).³⁵

Н. В. Понырко констатирует также связь между Житием Корнилия и «Историей Выговской пустыни» Ивана Филиппова.³⁶ На эту связь в свое время указывал еще А. И. Бровкович.³⁷ Иван Филиппов уделяет Корнилию как одному из основателей Выговской пустыни немало места в первых главах «Истории».³⁸ Между «Историей» и Житием легко установить текстуальные параллели, а в том месте, где говорится о пророчествах Корнилия насчет будущего пустыни, старообрядческий историк прямо ссылается на свой источник: «Но сие все оставляю читателем известно ведати и списанное его отеческое житие читати».³⁹ Нельзя сомневаться

³² БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 999, л. 103. См. также: Понырко, с. 167. Там же читает соответствующий отрывок из Жития Корнилия 2-й редакции (ГПБ, Q.1.1062, л. 27): «Корнилий же извести, да пребудет в пустынях, подвизаяся, яко мнози хотят чрез онаго в познание истинны приити».

³³ Понырко, с. 167.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: И. Ф и л и п [п] о в. История Выговской старообрядческой пустыни. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1862. Как напоминает В. Г. Дружинин, «уже И. Ф. Нильский указал, что самая История начинается лишь с XIX главы издания на с. 76, а все предыдущие главы составляют совершенно самостоятельное произведение, которое он приписывает перу С. Денисова» (Дружинин. Словесные науки, с. 3).

³⁷ Бровкович, с. 203—204.

³⁸ Организаторская роль Корнилия, собственно, ограничилась благословением Даниила Викулова, Андрея Денисова и других собравшихся на Выгу пустынножителей на создание «общего жития»; Семен Денисов с отцом прибыл в пустынь в 1697 г., уже после смерти Корнилия. См.: П. Г. Л ю б о м и р о в. Выговское общежитие. Исторический очерк. Москва—Саратов, 1924, с. 22—24.

³⁹ И. Ф и л и п [п] о в. История Выговской старообрядческой пустыни, с. 123.

в том, что сведения о Корнилии, как и некоторые другие факты, приводимые в «Истории», Иван Филиппов почерпнул из Жития.

Понырко, рассматривающая Кирилло-Епифаниевский цикл в свете литературных связей на Выгу, приводит как пример заимствования из Жития Корнилия главу «Истории», которая называется «О отце Виталии Московском». Эта глава явно основана на рассказе Корнилия об известном молчальнике. В обеих редакциях Жития (Понырко цитирует только 1-ю) рассказ этот передается почти одинаково; в «Истории» же он обрастает новыми подробностями, «тяготеющими» (и это важная деталь) к Кирилло-Епифаниевскому циклу: в частности, у Ивана Филиппова роль Кирилла заметно возрастает.⁴⁰ Это обстоятельство, как и некоторые другие, о которых мы здесь не говорим, заставляет исследовательницу признать справедливим предположение Дружинина, высказанное им на основании одних палеографических данных, что автор «Истории» также участвовал в создании житий Кирилла и Епифания.

Таким образом, ключ к разгадке авторства Кирилло-Епифаниевского цикла отчасти кроется в Житии Корнилия: Житие послужило одновременно источником отдельных мотивов и в жизнеописании Епифания (жительство Корнилия и Епифания на Кяткозере), и в «Истории Выговской пустыни» (Повесть о Виталии и о самом Корнилии), причем и тут и там эти мотивы были дополнены сведениями об иноке Кирилле. В обоих случаях приемы обработки заимствованных материалов совершенно одинаковы, что свидетельствует о принадлежности их одному и тому же лицу — Ивану Филиппову, историку Выговской пустыни и ее третьему киновиарху.

5

Жизнеописание Корнилия было не только хорошо известно в Поморье в 1830-х гг., когда создавался Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и «История Выговской пустыни», но и свободно использовалось при составлении новых произведений, прославляющих деятелей старообрядчества. Еще одним подтверждением популярности Жития Корнилия в Поморском крае служит анонимная «Повесть о рождении и воспитании и о житии и кончине Никона, бывшего патриарха Московскаго и всея России».⁴¹ «Повесть», как известно, была написана на Выгу.⁴² В ней сообщается легенда (содержащаяся и в Житии Корнилия обеих редакций) о том, что митрополит Новгородский Аффоний, умирая, запретил погребать свое тело Никону. Указан и источник этой легенды: «О сем убо поведи старожителный инок Корнилиий, живый при упоминаемем Авфонии митрополите, иже трудами постничества своего тело свое удручивый в Выговской пустыни, крисяся от новолюбителей, преставися в лето 7203 [1695], имый от рождения своего 113 лет, во иночестве пребыв 95 лет».⁴³ Не подлежит сомнению, что составитель «Повести» почерпнул эти сведения из Жития Корнилия, откуда списал и саму легенду. И на этот раз мы имеем дело со 2-й редакцией Жития, ибо именно в ней указывается, что старец скончался в возрасте 113 лет, прожив в монашестве 95 (согласно первоначальной редакции, эти сроки соответственно 125 и 107 лет).

⁴⁰ Понырко, с. 164—166.

⁴¹ Издание текста (по списку ГПБ, Q.I.1058) см. в кн.: А. К. Б о р о з д и н. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. Изд. 2-е, доп. и испр. СПб., 1900, Приложения, с. 145—167. По тому же списку, но не полностью текст «Повести» издан в кн.: Перетц, с. 177—190.

⁴² См.: Смирнов, с. СХII.

⁴³ А. К. Б о р о з д и н. Протопоп Аввакум, Приложения, с. 148.

В «Повести» есть еще три отрывка, явно заимствованных из Жития Корнилия. Сразу же вслед за легендой о погребении Аффония повторяется эпизод (на который мы уже раз ссылались), где Корнилий вновь приезжает в Новгород, теперь уже к митрополиту Никону, не подозревая, что его старый знакомый «антихрист есть»; предупрежденный соловецким черным дьяконом Пименом об угрожающей ему опасности, Корнилий отказывается от благословения Никона и уходит в Москву к патриарху Иосифу.⁴⁴ Немного ниже в «Повести» следует эпизод о ночном видении старца Чудова монастыря Симеона, которому в связи с приездом в Москву митрополита Никона приснилось, «якоб змий велик зело пестр, и страшен видением, обогнувся около царския грановитыя палаты»;⁴⁵ а еще ниже — о ревнителях старины, которые (как и в Житии Корнилия) вспоминают предречение патриарха Иерусалимского Феофана: «. . . егда же возвадычествует тезоименитая пособителю альфа, тогда по всей великой России богоугодныя и спасительныя отеческия чины и обычаи и уставы и предания церковныя применятся. . . и будет гонение велие на христианы, держащия древлецерковное благочестие».⁴⁶ Любопытно, что даже последовательность изложения всех этих эпизодов в обоих произведениях одинаковая, причем в жизнеописании Корнилия они следуют один за другим почти без перерыва (между первыми двумя и последними — только краткая заметка о том, что Корнилий служил тюремщиком у патриарха Иосифа). Хотя очевидно, что составитель «Повести» пользовался Житием позднейшей редакции, также совершенно ясно, что он имел под рукой и список первоначальной редакции, так как приводимый им фрагмент о видении Симеона отсутствует в переделке Трифона Петрова. Эта двоякая зависимость «Повести» от обеих редакций Жития Корнилия ранее исследователями не отмечалась.

Когда именно была написана «Повесть» о Никоне — неизвестно, но ее очевидная связь с датированным Житием Корнилия позволяет установить нижнюю границу времени ее создания. А. И. Бровкович, давший подробное описание этого произведения, пишет: «. . . из содержания повести видно, что сочинитель имел у себя под руками „Виноград российский“ и „Житие инока Корнилия“ (Бровкович имеет в виду 2-ю редакцию, — Д. Б.), и заимствовал из этих двух сочинений не только сведения, но нередко и выражения. Из этого можно заключить с достоверностью, что повесть написана не ранее 1731 г., в который составлено „Житие инока Корнилия“. . . ».⁴⁷

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, с. 150. Ср. текст Жития Корнилия (1-й редакции): «Тогда в Чюдове монастыре некому старцу, святу мужу именем Симеону, яви бог в нощи видение сиево: змий великий пестрый и страшен зело и обогнувся около царских полат. . . » (л. 55 об.). Интересно отметить, что образ змея, особенно любимый старообрядцами и встречающийся в бесчисленных вариантах на старообрядческих миниатюрах, фигурирует также во второй из статей о Никоне, приложенных к Житию Корнилия 1-й редакции: во время богослужения, совершаемого Никонем, змий обвивается вокруг шеи патриарха, покаясь на его плечах (см.: ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 52, л. 79 об.).

⁴⁶ Там же, с. 156. Ср. текст Жития Корнилия (1-й редакции): «Когда будет у вас в Росии царь с первыя литеры, сиречь со аза, — при том применятся вся чины и уставы церковныя. . . и гонение велие будет на церковь Христову» (л. 56). Исследователь легенд о Никоне В. Н. Перетц, конечно, не прав, когда пишет, что в «Повести» «о предсказании патр. Феофана — ни слова» (Перетц, с. 148). В изданном им тексте «Повести» опущена ее последняя часть, в которой как раз и приводятся слова Феофана (см. выше, примеч. 41).

⁴⁷ Бровкович, с. 184. Кстати сказать, этого обстоятельства не учел П. С. Смирнов, а вслед за ним и В. Н. Перетц: оба исследователя на основании одних исторических данных указывают 1716 г. как наиболее ранний срок, когда могла быть написана Повесть (см.: Смирнов, с. СХІ; Перетц, с. 177).

6

В литературе уже ставился вопрос о возможном влиянии Жития Корнилия еще на одно старообрядческое произведение — «Сказание о страданиях и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского»,⁴⁸ с которым связан рассказ о тайном совещании старообрядцев в Курженском монастыре.⁴⁹

Говоря в «Расколе на Дону» о похождениях Досифея, друга Корнилия, с которым тот бежал на Дон, В. Г. Дружинин указывает на участие неуловимого игумена в одном старообрядческом соборе. Ученый поясняет: «Мы разумеем собор, бывший у расколоучителей в Москве по поводу споров о перекрещивании никониан (о нем в Житии Корнилия, ркп. имп. Публ. библиотеки Q.I.141, л. 167 об.).⁵⁰ Отсюда, вероятно, заимствовал сведения об этом соборе автор сказания «О страданиях и кончине Павла Коломенского» и перенес место собора в Курженскую обитель.⁵¹ В данном случае идет речь о 1-й редакции Жития Корнилия, так как во 2-ю известие о совещании старообрядцев в Москве не вошло.

К предположению Дружинина, что «Сказание» заимствует данные о соборе из Жития Корнилия и переносит место действия из Москвы на Север, в Курженскую обитель, следует относиться очень осторожно. Между двумя источниками имеется, правда, некоторое чисто внешнее сходство: и тут и там никоновские новшества предаются анафеме, и тут и там собор выносит постановление крестить вторично приходящих от великороссийской церкви и крещенных по новому обряду, в связи с чем и в «Сказании» повторяются отдельные выражения, встречающиеся и в Житии. Параллельных конструкций в обоих памятниках не так уж и много, и все они объяснимы аналогичностью ситуаций.⁵² На этом, собственно, кончается сходство текстов, расхождений же гораздо больше, и они отнюдь не ограничиваются местом действия. Так, если в Житии упомянуто 9—11 участников собора (число зависит от разновидности памятника), то в «Сказании» названо 16 лиц, четверо из которых — все высшие иерархи церкви⁵³ — лично не присутствуют, но присылают на собор свои грамоты. В Житии имена этих иерархов вообще не упоминаются. Из оставшихся участников Курженского собора только о троих (наиболее известных) говорится в обоих произведениях (Досифей, Аввакум и Лазарь). Если еще можно допустить, что автор «Сказания»⁵⁴ приписал имена иерархов

⁴⁸ Текст «Сказания» и другие повести о Павле Коломенском см. в изд.: С. А. Белокуров. Сказание о Павле, епископе Коломенском. — ЧОИДР, 1905, кн. 2, отд. IV, с. 41—46.

⁴⁹ Как указывает П. С. Смирнов, рассказ о соборе в Курженской обители составляет самостоятельное произведение, которое в рукописях обычно непосредственно следует за «Сказанием», однако эти памятники мы здесь не разграничиваем (Смирнов, с. 050—051).

⁵⁰ Заметим ошибку Дружинина: список значится у него здесь под № 141, тогда как на самом деле он пользовался списком ГПБ, Q.I.401, на который сам раньше ссылался, что подтверждается и пагинацией рукописи.

⁵¹ В. Г. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889, с. 74, примеч. 35.

⁵² Приведем наиболее яркий пример такого сходства (сначала дается выдержка из Жития (1-я редакция), затем — из Сказания): «И вси присудиша купно, что никониянское крещение за крещение не вменяти, и по апостольским и соборным правилом повелеваша паки совершенно крещати второе» (л. 71); «. . . соборне всяко рассудивше и по правилом апостольским и отечским. . . уложивша. . . приходящих от тоя (всероссийской церкви, — Д. Б.) весьма покрещевати и рукоположение тех не в рукоположения положиша, но второе рукополагати таковыя. . .» (С. А. Белокуров. Сказание о Павле, епископе Коломенском, с. 45).

⁵³ Это епископ Павел Коломенский, митрополит Макарий Новгородский, архиепископ Маркелл Вологодский и епископ Александр Вятский.

⁵⁴ «Сказание» приписывается Андрею Денисову. См.: Смирнов, с. 051.

от себя, для «вящей убедительности», то трудно предположить, что, основываясь на житийном рассказе о соборе, он исключил бы из числа его участников самого Корнилия, который, согласно Житию, тоже присутствовал на соборе и впоследствии поведал о принятых на нем решениях своему жизнеописателю Пахомию. Далее, если на «повестке дня» Московского собора стоит вопрос о «никонианском» крещении, а в одной из разновидностей текста Жития также обсуждаются и другие конкретные догматы православия, подлежащие на основании церковных правил «отложению», то на Курженском соборе к вопросу о крещении прибавляется вопрос о хиротонии, а о прочих церковных новшествах говорится лишь в общих выражениях, и конкретные догматы не перечисляются, равно как и правила, на основании которых эти догматы надлежит отвергать.⁵⁵ Наконец, в «Сказании» соборное уложение торжественно скрепляется подписью собравшихся и утверждается самим Павлом Коломенским, а также указывается дата собора (1656 г.) — подробности, которые в Житии совершенно отсутствуют.

Все это, конечно, не исключает возможности заимствования, но делает ее весьма сомнительной. Скорее всего, «Сказание» возникло независимо от Жития и основано на слухах о раннем старообрядческом соборе, в какой-то степени повлиявших, может быть, и на рассказ Пахомия.

7

Подведем итоги. Мы отметили историческое значение интересующего нас памятника, с этой точки зрения уже отчасти рассмотренного в специальной литературе, а также указали на некоторые его литературные особенности, еще не обратившие на себя внимания исследователей, в частности на свободную повествовательную структуру Жития, связанную со скитальческой жизнью Корнилия. Мы также остановились на вопросе о литературных связях памятника на Выгу, на выяснении той роли, которую он сыграл в развитии выговской старообрядческой письменности. Как мы убедились, первоначальная редакция Жития Корнилия проработала сложный путь на старообрядческом Севере и через свою книжную переработку оказала воздействие на ряд других историко-биографических памятников, вышедших из скрипториев выго-лексинского литературного центра. Житие хорошо знали на Выгу и охотно прибегали к нему при составлении новых произведений как церковно-назидательного назначения (биография Елифания), так и церковно-обличительного (антиниконовская «Повесть»). Вошло оно и в обширный исторический труд Ивана Филиппова, который на основе житийных данных дает довольно ясное представление об «основоположнике» Выговской пустыни.

Подробное изложение литературной истории Жития Корнилия, основанное на сличении всех текстов и идейно-художественном их анализе, выходит за пределы настоящей работы: нам важно было лишь отметить сам факт, что сочинение Пахомия принесло литературные плоды. Следует, однако, сказать, что в стилистическом отношении оно стоит несколько особняком. Если не считать анонимного автора «Повести о рождении и воспитании. . . Никона», которая тоже написана довольно простым языком,⁵⁶ Пахомий как писатель не нашел себе подражателей среди со-

⁵⁵ Интересно отметить, что в старообрядческих кругах циркулировало самостоятельное «Определение» Курженского собора, представляющее собой литературную подделку, основанную на «Сказании» о Павле Коломенском; см. об этом: Н. И. И в а н о в с к и й. Измышленный старообрядческий собор. Разбор раскольнической рукописи. — Православный вестник, 1882, январь, с. 168—169.

⁵⁶ Подробнее об этом см.: Бровкович, с. 184.

братьев по перу: все они пошли по пути, указанному братьями Денисовыми, по пути Выговской литературной школы, окончательно сложившейся к 30-м гг. XVIII в.⁵⁷ Вся литературная продукция Выга, включая переделку Жития Корнилия, принадлежащую Трифону Петрову, осеена печатью книжной учености и византийской риторике. Труд Пахомия потому-то и нуждался, по мнению выговских книжников, в переработке, что он не соответствовал их литературным вкусам и представлению о житийном жанре.

В старообрядческой письменности имя Корнилия встречается и вне Жития, еще до его создания, — в «Отразительном писании о новоизобретенном пути самоубийственных смертей» инока Евфросина. На страницах своего трактата Евфросин полемизирует с неким аввой Корнилием, горячо бичуя последнего за его нерешительность выступить против самосожжения.⁵⁸ По предположению П. С. Смирнова этот «авва» и есть наш известный поморский инок (вспомним, что, согласно Житию, Корнилий действительно избегал «конфликтных ситуаций»)⁵⁹ Однако, по нашему мнению, трактат Евфросина, написанный еще при жизни Корнилия в 1691 г., не имеет никакого отношения к его биографии, в которой ни слова нет о «грях». Если же догадка Смирнова верна, то «Отразительное писание» может только послужить дополнительным источником сведений об этой несколько загадочной личности, не оставившей после себя письменного наследия и известной главным образом по добросовестному труду своего жизнеописателя Пахомия.

---

⁵⁷ Главный создатель школы Андрей Денисов, воспитавший целое поколение риториков и книжников на Выгу, скончался в 1730 г.; см.: Дружинин. Словесные науки, с. 238.

⁵⁸ Х. М. Л о п а р е в. «Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей». (Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 года). — ПДП, т. CVIII. СПб., 1895, с. 60—66.

⁵⁹ Смирнов, с. LXXVIII и 70.